

СЛАВЯНСКОЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ
И
ИМЕННАЯ ГРУППА

В настоящем докладе я хочу обратить внимание на поведение славянского относительного прилагательного (RA) как типа слов, вызванного к жизни типологическими свойствами славянской именной группы (NP). (К теории славянской NP срв. работы Э. Тополинской, особенно Topolińska 1972, 1974, 1976, 1976-1977).

Буду оперировать преимущественно словацким материалом, где я native speaker, исходя из того, что в отношении принципов функционирования RA славянские языки в основном совпадают. Различия касаются скорее морфематического чем синтагматического уровня, скорее отглагольных чем отыменных RA, скорее отдельных явлений чем общих принципов.

1.1 Способность оформлять определение имени существительного (N) согласуемыми словами является важной типологической чертой славянских языков, роднящей их прежде всего с латинским, но отличающей их от современных германских и большинства романских языков (Дюрович 1972:189).

1.2 В славянской NP определения могут быть согласованными и несогласованными. Согласованные занимают преноминальное положение, несогласованные - постноминальное: отклонения от этого принципа для согласуемых определений могут быть вызваны стилистическими причинами, срв. напр. специальные термины типа слк. *fialka vonná* и пр. (в дальнейшем эти случаи особенно оговариваться не будут). До некоторой степени иначе в этом отношении ведет себя польский язык (Sussex 1976: 28 и сл.).

В постноминальной части NP помещаются также некоторые распространённые причастные обороты и определительные относительные придаточные предложения; об этих конструкциях в настоящей статье не будет говориться.

Существенной чертой такой структуризации NP является то, что одна часть – но только часть – значений, выражаемых преноминально, может быть выражена и постноминально – и наоборот.

1.3.1 Некоторые из согласованных определений, а именно согласованные местоимения, квантификаторы и качественные прилагательные (QA) обязательно выступают преноминально, и значения, передаваемые ими, не могут синонимически выражаться несогласованным определением. Из NP напр. (а) *Эта* (b) *вторая* ((c) *трудная*) (d) *математическая задача* слова (а) – (с) не могут стать несогласованным и поэтому постноминальным атрибутом (если не учитывать возможности в некоторых контекстах вместо порядкового числительного употребить аппозитивное, т.е. постноминальное *задача номер два* или *задача номер второй*); кроме того, даже при стилистически мотивированной перестановке порядка слов, такой перестановке может подлежать только одно из слов (а) – (с): мыслимо *задача эта*, *задача вторая*, но не **задача эта вторая*, **задача эта трудная*, **задача вторая трудная* (такие NP появляются, правда, в синтаксисе разговорной речи, срв. напр. Земская 1973), а также не **задача эта номер два*. Два или больше согласуемых слов можно в стилистических целях postponировать только тогда, если эти слова одинакового ранга (1.5.2.1), т.е. если их можно соединить союзом как *и*, *или*: *задача важная и ответственная* (по-словацки *viacnásobný prívlastok*).

1.3.2 Наоборот, согласованное *математический* имеет свой синонимический постноминальный эквивалент *задача по математике*. То же касается притяжательных прилагательных, с некоторыми специфическими вариациями в отдельных языках: *мамина шляпа* – *шляпа мамы*, в словацком только с определением *klobúk t o - j e j matky*.

Между RA и синонимическими и несогласованными субстантив-

ными (или, скажем осторожнее, "не-адъективными") конструкциями (CN) имеется комплементарная дистрибуция: в преноминальной части NP не допустимы вторые, в постноминальной – первые (однако срв. оговорку о стилистической постпозиции в 1.2).

Комплементарная дистрибуция RA *математический* и CN *по математике* в NP *математическая задача* и *задача по математике* доказывает, что эти два выражения (и поэтому и эти две NP) несут одинаковое лексическое (уточним: денотативное) значение. В теориях, которые принимают противопоставление поверхностных и глубинных структур, нужно далее из этой комплементарной дистрибуции сделать заключение, что указанные RA и CN являются двумя в поверхностной структуре различающимися манифестациями одной общей глубинной (*underlying*) структуры.

О возможности тождественного значения между NP с преноминальным согласованным и с постноминальным несогласованным атрибутом свидетельствует богатая литература из многих славянских языков о том, правильнее ли будет *ričtárska vol'ba*, *spavaća kola* или *vol'ba ričtára*, *kola za spavanje*.

Из сказанного вытекает дальше, что на той же стороне N не могут сопологаться RA и CN: *detská drevená hračka* – это *hračka z dreva pre deti*, или *hračka pre deti z dreva*, или *drevená hračka pre deti*, или *detská hračka z dreva*, но никак не **drevená pre deti hračka*, или **detská z dreva hračka*, или **hračka z dreva detská*, или **hračka detská z dreva* и т.д. К закономерному возражению, что *detská hračka z dreva* и *drevená hračka pre deti* вряд ли можно считать синонимами, я вернусь в 1.5.2.1.

1.3.3 В отличие от NP типа *задача по математике*, которые имеют преноминальный синонимичный эквивалент (1.3.2), не имеют такого эквивалента NP типа *задача по высшей математике*, т.е. случаи, где в CN существительное имеет атрибут, срв. *hračka pre deti pred škol'ském věku*, *hračka z lípové hory dreva*. Сочетание с свободным синтаксическим атри-

бутом в принципе не подлежит адъективизации (**lípovodrevový*); особым случаем является, однако, атрибут квантификационный (*päťdňový*, *celozávodný*, *malosольный*). Адъективизация словосочетаний появляется потенциально, как возможный симптом лексикализации такого словосочетания (*Južná Amerika - juhoamerický*, *vysoký tlak - vysokotlakový*, *tvoriť slová - slovo-tvorný*, но нет напр. *Vysoké Tatry - *vysokotatranský*, *nákladný vlak - *nákladnovlakový*). RA как чеш. *umělohmotní* к *umělá hmota* звучат скорее как неудачный анекдот *Co bylo dříve - vejce či umělohmotní obal na 12 vajec?* (Dikobraz 1977). Увидим в дальнейшем (2.2.2), что исключение определений всякого рода из адъективизации имеет свою типологическую причину.

1.4.1 Таким образом члены пары *математическая (задача) - (задача) по математике*, хотя и стоят в комплементарной дистрибуции, но имеют - каждый из них - свое функциональное назначение в структуре славянской NP.

1.4.2 Назначением постноминального члена является то, чтобы быть местом для свободного развертывания значения стержневого слова, напр. *hračky (1) pre (2) invalidizované deti (3) mladšieho predškolského veku (4) so zvláštnym h dobným nadaním* и пр. Для такого развертывания преноминальная часть именной группы абсолютно противопоказана.

Надо подчеркнуть, что организация постноминальной части NP ничем не отличается от организации определительной части глагольной группы (VP), с той, конечно, разницей, что в VP место этой части по отношению к стержневому глаголу никак не ограничено: *Pre invalidizované deti mladšieho predškolského veku so zvláštnym hudobným nadaním s t e k ú p i l i hračky nedávno* точно так же, как и *Nedávno s t e k ú p i l i pre invalidizované deti mladšieho predškolského veku so zvláštnym hudobným nadaním nové hračky*. Это соотношение организации NP и VP имеет некоторую параллель в поведении причастий в части славянских языков (напр. словацком и чешском), где причастие может в преноминальной части именной

группы иметь только препозитивные определения, в то время как в постноминальной части NP все определяющие члены причастия должны помещаться постпозитивно:

zaujímavo napísaná univerzitná príručka

но только:

univerzitná príručka { *napísaná sviežim štýlom*
napísaná pre začiatočníkov
napísaná bez cenzúry

а также:

univerzitna príručka napísaná zaujímavo

(что отличается от русского преноминального: *написанный для старших курсов университета учебник*).

1.5.1 Сходство синтаксической организации постноминальной части NP с организацией некоторых частей VP стоит в четком контрасте с преноминальной частью NP, которая никакой параллели в VP не имеет: именно в преноминальной части NP имеется, следовательно, такая синтагматическая организация, которая ниоткуда не могла быть заимствована и которая, таким образом, является специфической чертой NP.

Именно для этой преноминальной части, для этой специфической синтагматической организации, созданы относительные прилагательные.

1.5.2.1 Zeno Vendler (1968) на английском материале показал, что каждое слово, которое входит в цепь преноминальных неоднородных определений (*unbroken string*), имеет определенный дистрибутивный ранг, которым точно определяется его место по отношению ко всем возможным другим словам цепи: порядок атрибутов в NP напр. *новый югославский дизельный локомотив* или *желтый круглый металлический стол* почти не изменим (Vendler 1968:121 и сл.; на стр.130-131 о возможности изменения этого порядка). R. Sussex использовал принцип Вендлера в статье о порядке польских атрибутивных прилагательных (1975) и в рукописной, мне недоступной диссертации 1971 г. о русских прилагательных. О той же теме, уделяя особое внимание неадъективным согласованным атрибутам, писала Тополинская (1974).

Этот строгий порядок является дальнейшим специфическим свойством преноминальной части NP.

В связи с этим надо вернуться к 1.3.2, где мы остановились на констатации, что группе *detická drevená stolička* может денотативно соответствовать как *detická stolička z dreva*, так и *drevená stolička pre deti*. Однако, в отличие от пары *matematická úloha/úloha z matematiky*, здесь налицо явное различие в значении.

1.5.2.2 Проследим следующие четыре предложения:

- (1) *Všetky detické drevené stoličky sú vypredané*
- (2) " *drevené detické stoličky* "
- (3) " *detické stoličky z dreva* "
- (4) " *drevené stoličky pre deti* "

Видно, что и изменение порядка слов в преноминальной части, и замена RA на CN служат для изменения ремы предложения. Проверить это можно экспериментом: определим, что имплицитует каждое из предложений (1) - (4).

- (1') *Všetky detické drevené stoličky sú vypredané*
>ostali len iné stoličky
- (2') *Všetky drevené detické stoličky sú vypredané*
>ostali ešte detické kovové, plastikové atď., t.j.
iné než drevené stoličky
- (3') *Všetky detické stoličky z dreva sú vypredané*
>ostali ešte detické kovové, plastikové atď., t.j.
iné než drevené stoličky ($\equiv 2'$)
- (4') *Všetky drevené stoličky pre deti sú vypredané*
>ostali ešte drevené stoličky pre dospelých

Если этот анализ правилен (его правильность подтвердили мне письменные тесты, проведенные с рядом словацких и чешских native speaker-ов), то из него следует,

1) что употребление CN вместо RA несет с собой рематизацию этого CN (и это соответствует нормальному принципу актуального членения предложения, так как постноминимальное CN ближе к экспонированному концу предложения);

2) что для рематизации тот же эффект, который имеется

в (3), можно достигнуть и при помощи (2), т.е. при помощи перестановки RA *деревянный* и *детский*, где, правда, эта перестановка не соответствует принципам актуального членения и не сопровождается (по крайней мере не обязательно) перемещением логического ударения. Изменение рематизации достигается изменением стандартного порядка слов преноминальной цепи NP (срв. Vendler 1968:130 *mutatis mutandis* о различии между *new yellow car* и *yellow new car*). Порядок *detské drevené stoličky* не рематизирует ни одно из обоих RA, в то время, как порядок *drevené detské stoličky* четко рематизирует первое из них.

Возьмем еще одну группу примеров:

(5) *Kúpil si skalické červené víno*

(5a) *Na snímke sa objavili skalické červené strechy*

(6) *Kúpil si červenú vlnenú blúzu*

Порядок слов в (5), (5a) и (6) беспризнаковый, не рематизирующий: в Словакии вообще знают, что в Скалице имеется только красное вино, и крыши вообще бывают (или бывали) красными. Перестановка порядка RA в (7) и (7a) рематизирует слово *červený*, контрастирует его по отношению к мыслимым таким же вещам другого цвета:

(7) *Kúpil si červené skalické víno*

- предполагается также существование белого скалицкого вина, срв. нормальное *fľaša bieleho burgundského, červené burgundské*;

(7a) *Na snímke sa objavili červené skalické strechy*

- предполагается, что есть и крыши другого цвета, напр. черные, которые на снимке (еще) не видны.

Наоборот, тот же порядок RA, с названием цвета на первом месте в (6) является нормальным, не рематизирующим.

Перестановка

(8) *Kúpil si vlnenú červenú blúzu*

довольно непривычна, мыслима только при сильном контрастирующем логическом ударении (...*nie bavlnenú*).

1.5.3 Все это доказывает, что преноминальная часть NP син-

таксически организована иначе, чем часть постноминальная. Постноминальная часть NP синтаксически организуется так же как VP, и актуальное членение предложения играет здесь нормальную роль. А преноминальная часть, для которой (и только для нее) образуются RA, организуется порядком слов, который регулируется не актуальным членением, а другими свойствами входящих в нее согласуемых слов (в том числе RA). Как показал Вендлер, решающими для отнесения согласуемого слова к определенному рангу (согласно с словацким *slovoslednému rangu* хочется и по-русски сказать "к порядкословному рангу", но согласно 1.3.3 такого слова нет) являются его трансформационные свойства.

Из его изложения, правда, не вытекает, почему те, а не другие трансформационные свойства RA дают тот, а не другой ранг, но сам принцип очень убедителен. Как можно судить из напечатанных работ Р. Сассекса (Sussex 1974, 1976), и применение этого принципа к славянскому материалу, и сопоставление отдельных славянских языков с этой точки зрения открывает интересные перспективы для исследования.

1.5.4. Мы видели в 1.3.2, что между RA, используемыми только в преноминальной части, и семантически соответствующими CN, допустимыми только в постноминальной части NP, имеется комплементарная дистрибуция. Возникновение этих CN можно как правило возвести к соответствующим сказуемым (VP), которые через посредство относительных ограничительных предложений могут становиться постноминальной частью NP: Dom je vybudovaný z dreva - Dom je z dreva - dom,ktorý je z dreva - dom z dreva (Topolińska 1976:211, Vendler 1968:111).

RA в принципе в сказуемом не выступает, хотя не совсем исключено. Говорят скорее *Náš dom je z dreva*, *Tá hračka je pre deti*, чем *Náš dom je drevený*, *Tá hračka je detská* (Topolińska 1976:211); правда, самым обычным будет сказуемое с NP *To je detská hračka*.

Это лишний раз подтверждает, что RA является классом слов, принципиально отличающимся от - свободно предикативных - качественных прилагательных, что это класс слов, который специально образуется для славянской NP.

1.5.5.1 В 1.3.2 мы показали, что между преноминальным RA *математический* и постноминальным *по математике* в синонимической паре *математическая задача/задача по математике* существует комплементарная дистрибуция. Но в других контекстах то же самое RA может вступать в такое же отношение с целым рядом других CN. NP *новгородская группа* может в разных контекстах иметь ряд значений, например:

новгородская группа	}	группа из Новгорода
		" (предназначенная) для Новгорода
		" (пропагандирующая) Новгород
		" по (исследованию) Новгорода
		" (занимающаяся) Новгородом
		" (уезжающая) в Новгород
		и прочие

а на самом деле также

группа новгородцев

группа новгородок

(срв. Дюрович 1972:199).

Если бы количество таких пар RA/CN было бы закрытым, то можно было бы говорить о нейтрализации в относительном прилагательном всех семантических оппозиций, эксплицитно выражаемых разными CN.

RA действительно абстрагирует от спецификаций, вносимых предложениями, формами падежа и (более или менее редундантными) глаголами в исходной VP, а выражает чистое, неспецифицированное отношение, которое ближе осмысляется (если на самом деле вообще осмысляется!) только в контексте. Но так как количество отношений, выражаемых синонимическими с данным RA конструкциями никак не закрыто, нет основания говорить здесь о нейтрализации. Семантическим назначением трансформации специализированных CN из глагольной группы (VP) в RA - это создание слов, не подлежащих дальнейшей спецификации (RA практически ничем не может быть дальше детерминировано) и поэтому способных выразить любое отношение фундирующего выражения к стержневому N.

Ограничения комбинационных возможностей славянского RA, как показали некоторые диахронические исследования (Fiedlerová 1970; Белошапкова-Земская 1962), связаны прежде всего с дифференциацией NP и VP: в настоящей статье этого вопроса касаться не буду.

1.5.5.2 Опустошенность лексического значения RA была неоднократно отмечена и описана (напр. Белошапкова-Земская 1962:10; Marchand 1966:142; Земская 1977:113 и др.). Она является причиной того, почему именно NP с RA особенно хорошо подходит для образования специальных терминов, т.е. той группы названий, где означаемое задано заранее *per definitionem*, так что означающее не обязательно должно морфематически передавать все желаемые семантические слагаемые означаемого. *Požiarňa služba* и *protipožiarňa služba* имеют точно то же самое значение только благодаря этому свойству RA: наличие или отсутствие морфемы *proti-* ни коим образом не влияет на значение, так как – как мы видели – назначением RA является выразить максимально оголенное отношение между N (здесь *služba*) и фундирующим выражением (здесь: *požiar*), а спецификация этого отношения получается или из соответствующего CN (если это окажется нужным, здесь: */ktorá bojuje/ proti požiarom*), или спонтанно из эмпирии – никто с нормальным опытом человека нашего времени не может подумать, что *požiarňa služba* занималась бы организацией пожаров (срв. также *именной – поименный список*). – При адъективизации глаголов теряется в RA вся аргументная ("интенционная" в другой терминологии) структура исходного глагола (срв. *mutatis mutandis* о номинализациях Topolińska 1976:202 и сл.): *tvořivá práca* не допускает определения, что именно этим трудом создается, *baliaci papier* не разрешает уточнить, что именно упаковывается.

Единственным детерминантом RA является небольшой класс ограничительных частиц/наречий типа *исключительно, чисто* (*čisto začiatočná skupina*).

Этим, конечно, не говорится, что приставки (из предлогов) или другие морфемы в RA всегда были бы иррелевантными: *demokratizačný* и *protidemokratizačný*, *vnútroštátny* и *medzištátny*,

употребляемые в моей статье *преноминальный* и *постноминальный* сохраняют значение предлога из исходной VP (или CN) тем, что вовлекают его в адъективизационную трансформацию. Не нужно особенно оговаривать, что *medzištátny* не образовано при помощи приставки *medzi-* от RA *štátny*, а при помощи адъективизационной трансформации из фразы *medzi štátni* (Земская 1962:52-53).

Впрочем, имеются довольно большие различия в степени использования этого типа образования между отдельными языками. Случай *požiarňu* $\equiv$ *protipožiarňu* служит только четким примером способности наименовать отношение максимально абстрактно, без уточняющих, специфицирующих элементов.

2.1 Связь славянского относительного прилагательного с именной группой, таким образом, довольно ясна.

2.2 Славянская именная группа структурируется вокруг стержневого имени (N), причем ее левая и правая (преноминальная и постноминальная) части имеют различные синтагматические свойства и в значительной степени различное семантическое назначение.

2.2.2 Левая, преноминальная часть содержит слагаемые, отчасти в правой части запрещенные и семантически неповторимые (нпр. актуализаторы, квантификаторы, модальные и качественные квалификаторы), отчасти повторимые (RA). Назначением этих последних является определять N с разных точек зрения (восходящих к определенным семантическим типам сказуемых) в максимально абстрактном, оголенном виде. Левая сторона оформляется как цепь согласованных слов, порядок которых не подлежит актуальному членению предложения, а только определенной грамматической иерархической организации (напоминающей организацию следования энклитик), так что они вступают в синтагматические отношения не друг с другом, а только с стержневым N; но на отдельных иерархических уровнях цепи допустимы координативные отношения.

2.2.3 Правая, постноминальная часть NP предназначена для неограниченно детальной детерминации N, и сюда помещаются все несогласуемые атрибуты, аппозиции и определительные относительные предложения. Все синтагматические комбинационные возможности, имеющиеся в правой части NP, восходят непосредственно к VP.

2.3 Славянское относительное прилагательное (RA) создано специально для левой стороны NP и его свойства восходят к правилам ее построения.

RA оформляется как согласованное слово и стоит (точнее: может стоять) в комплементарной дистрибуции с одним или несколькими несогласованными, т.е. постноминальными атрибутами. Оно возникает адъективизационной трансформацией. Есть яркая тенденция, чтобы этим приемом переносилось в преноминальную часть NP только основное значение адъективизируемого наименования, а не его детерминанты: поэтому в принципе не подлежат адъективизации синтаксически свободные словосочетания, большинство сочетаний с предлогами, но также и некоторые типы производных слов (срв. невозможность передать прилагательными различия типа Македония - македонец - македонка, срв. Дурович 1972:197 и сл.).

RA синтагматически подчинены своему N, но они сами не могут практически ничем детерминироваться: при адъективизации теряются все комбинационные свойства исходного слова а остается только способность синтагматической связи с стержневым N.

* * *

Из-за интереса субъектом, объектом и другими классическими членами предложения у нас, в частности у славянского языкознания, вне внимания оставалась именная группа - та строительная единица, по принципам которой организованы все те члены предложения, которые строятся на попен как на стержневом слове.

Если я к NP пришел через мои занятия относительными прилагательными, то это, конечно, только одна из возможных дорог для изучения этого важного понятия, которое мы в те-

чение последних - трех, пяти, вряд ли десяти лет - с удивлением начинаем открывать. И наоборот, для понимания того, какое место среди других слов занимают относительные прилагательные, каковы принципы их возникновения и употребления - для всего этого очень ценными оказываются структурные рамки славянской именной группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Beard R., 1976: "A Semantically Based Model of a Generative Lexical Word-Formation Rule for Russian Adjectives", *Language* 52, 108-120.
- Белошапкина В. А. - Земская Е. А., 1962: "Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных", *Материалы и исследования по истории русского литературного языка* 5, Москва, 4-25
- Vendler Z., 1968: *Adjectives and Nominalizations*, The Hague - Paris.
- Дюрович Л., 1972: "Относительное прилагательное в славянских языках", *The Slavic Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA...*, edited by D. S. Worth, The Hague - Paris, 189-214.
- Земская Е. А., 1962: "Об основных процессах словообразования прилагательных в р.л.яз. XIX в.", *Вопросы языкознания* 1962, 2, 46-55.
- Земская Е. А., 1967: "О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в с.р.яз.", *Историко-филологические исследования*, Москва, 92-103.
- Земская Е. А. (отв.ред.), 1973: *Русская разговорная речь*, Москва.
- Земская Е. А., 1977: "Производные слова в толковых словарях русского языка", *Современная русская лексикография 1976*, Ленинград, 110-122.
- Zinkiewicz-Tomanek B., 1977: "Wybrane zagadnienia z zakresu słowotwórstwa przymiotników rosyjskich w ujęciu synchronicznym", *Zeszyty Naukowe UJ* 478, *Prace językoznawcze* 56, 7-23.
- Kurkowska H., 1954: *Budowa słowotwórcza przymiotników polskich*, Wrocław.
- Levi J. N., 1973: "Where do all those other Adjectives Come from?", *Papers from the Ninth Regional Meeting*, Chicago Linguistic Society..., Chicago, 332-345.
- Marchand H., 1966: "Attributive and Predicative Derived Adjectives", *Anglia* 84, 131-149.

- Sussex R., 1974: "The Deep Structure of Adjectives in Noun Phrases", *Journal of Linguistics* 10, 111-131.
- Sussex R., 1975: "Attributive Adjectives in Polish", *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 20, 23-46.
- Topolińska Z., 1972: "Struktura słowiańskiej frazy nominalnej", *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 4. Językoznawstwo, 47-54.
- Тополинська З., 1974: "Порядок слов в именном словосочетании как отражение его деривационной истории", *Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы*, Москва, 235-244.
- Topolińska Z., 1976: "Mechanizmy nominalizacji w języku polskim", *Studia gramatyczne* 1, 175-212.
- Topolińska Z., 1976, 1977: "Wyznaczność (t.j. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim", *Polonica* 2, 3, 59-78.
- Fiedlerová A., 1970: "K vývoji neshodného přívlastku v staré češtině a u Komenského", *Slovo a slovesnost* 31, 337-345.